

Пусть совесть действует
свободней, — она не повредит,
если даже причинит боль...
Андрей Платонов

Что есть, то — есть, а чего нет, того и придумывать нельзя. Дал бы Бог разобраться с тем, что есть. Впрочем, жизнь настолько многообразна, что у неё на все случаи разборы (увы, ныне повседневное слово) припасены неоспоримые факты. Главное, что лично мы чувствуем своим сердцем и чувствуем ли, сталкиваясь с ними. Сегодня так много негатива в нашей стране, да и в мире, что иной раз просто оторопь берёт. Как со всем этим жить?

Уязвлённое недопонимание

Видит Бог, не хотел братья за очерк, потому что, анализируя современную жизнь, поневоле приходишь к неутешительным выводам. И своими оценкой, статьёй, очерком только увеличиваешь количество негатива.

В самом деле, Кущёвская Краснодара, Энгельс Саратова, Гусь-Хрустальный Владимира и т.д., и т.п. А совсем недавно в Хабаровском крае дед взял в заложники собственного внука и заявил, что будет вести переговоры только с высокопоставленным членом партии «Единая Россия».

Простите, но сразу подумалось, слава богу, Владимир Владимирович Путин только лишь лидер, но не член главной партии страны. Хабаровск — не ближний свет, не Гусь-Хрустальный, а за жизнь внука (не дай бог, конечно) пришлось бы спрашивать не только с сумасшедшего деда.

Не знаю, что случилось с террористом и его заложником. Сообщение прошло по Интернету 20 декабря 2010 года.

Словом, негатива так много вокруг и у нас, и за рубежом, что братья за анализ современной жизни, тем более нашей, — себе же дороже.

Но тут произошёл случай, который в корне перевернул моё отношение к негативу. А именно: нашлись две весьма уважаемые мною VIP-персоны, которые, не считаясь ни с чем, потребовали негатива.

Случилось это накануне Рождества в городе Канны (Франция). Там, в двадцати метрах от православной церкви Михаила Архангела, есть хлебный магазинчик с различной выпечкой. Зять указал на торт. Девушка-продавец предупредила:

— Негатив.

Зять не понял. (К сожалению, он, как и я, понимает французский только со словарём.) Начал изъясняться с помощью мимики и жестов — пытался объяснить, что торт в его понимании не может быть негативным. Увы — негатив, и всё тут. Девушка даже в обиду отвернулась и от зятя, и от торта.

Как-то нехорошо получилось — вчера ещё беседовали с французами о моём романе. (Они изъявили желание, в рамках года России во Франции, перевести его на французский язык.) А тут на уровне народной дипломатии какое-то уязвлённое недопонимание. Чаше бывает наоборот, на официальном уровне возникает недопонимание, и знание языков иногда только усугубляет его.

Зять сказал, точнее, показал, что возьмёт торт. Девушка успокоилась, как полагается, запак-

вала. Одной рукой подаёт пакет с тортом, а другой показывает на него.

— Негатив!

Чёрт знает что?! И спросить не у кого. Спусти два часа сели пить чай, естественно, с тортом и, естественно, обсуждая строгое предупреждение. В всякий случай решили не рисковать и VIP-персонам (пятилетней Глаше и девятилетней Марфе) выдали «негатива» в последнюю очередь и уж очень по маленькому кусочку. А торт, как всегда бывает с запретным плодом, оказался на редкость вкусным. И две VIP-персоны, почувствовав ущемление прав, подпрыгивая, стали требовать:

— Хотим негатива, хотим негатива!

Тут уж сам вызвался сходить в магазинчик. Захожу и прямо с порога:

— Аа негатив! (То есть — один негатив.)

Девушка скрылась за перегородкой.

Чувство национальности всегда содержит в себе элементы патриотизма: любовь к родине, стране, истории, культуре и много ещё чего, что не перечислишь.

— Но — негатив!

Я увидел на витрине такой же торт, говорю:

— А что, разве это не негатив?!

В общем, оказалось, что «негатив» — торт из холодильника и его следует употреблять не сразу, а выждав определённое время. Почему, отчего?! Предоставляю читателям самим разобраться. Я лишь подчёркиваю, что негатив всяким бывает и не всегда негатив — действительно негатив, хотя таким выглядит и подпадает под уголовную статью.

Лик души

Чувство национальности всегда содержит в себе элементы патриотизма: любовь к родине, стране, истории, культуре и много ещё чего, что не перечислишь. А иной раз и не выразишь словами, потому что это таится глубоко в душе и лишь в определённый миг вдруг является как бы из ниоткуда и овладевает всем, что ты есть от макушки до пят. И ты вдруг чувствуешь, что тебя мало, за тобой должны стоять тысячи тысяч. И они стоят. Ты ощущаешь дыхание всех поколений всех времён. А это, как правило, миг победы. Миг высокого восхождения и встречи с самим собою. Самим собою нематериальным, который узан, потому что он и есть твоя настоящая самость. Самость, данная тебе Богом.

В такой момент душа воспламенена, и нисходит озарение,

что жил ты не зря, что ты исполнился.

Но бывает и по-другому.

Когда погибаешь от отступившей со всех сторон стихии или от чего-то иного не менее смертельного, чему нет сил противостоять, то внезапно, вдруг охватывает душу чувство отсутствия зла и великого смирения перед всем, что ты знал, видел и слышал. И мысль твоя не о всемирных формулах добра и зла, а о какой-то простой вещи, может быть, детской игрушке, которую ты хотел подарить существу, состоящему из одних твоих глаз, но почему-то не подарил. И что-то высокое, близкое и дорогое вдруг по-матерински прикасается к тебе, и ты чувствуешь — нет, это ещё не всё. Где-то там, в неясной дали, которую нельзя видеть глазами, а лишь всевидящим сердцем, ты ещё есть. И есть всё, что ты любил. А любил ты, быть может, меньше, чем ненавидел и гнал. И всё же любимое тобою стало большей частью твоей души, потому что всё, что любил ты, — было прежде тебя любимо твоими дедами и прадедами. И ты только потому и состоялся и исполнился, что в этой родовой цепи любовь никогда не кончается. И смерти — нет.

Чья Москва?

После убийства болельщика «Спартак» Егора Свиридова и несанкционированных выступлений тринадцати-пятнадцатилетних подростков на Манежной площади мы словно очнулись. А очнувшись, испугались, что Москва всё ещё русский город. И как ни странно, больше всех испугались мы, русские.

И те, кто по происхождению русский. И те, кто впитал русский язык, историю, культуру так глубоко, что русскость стала его менталитетом, причем иногда более существенным, чем у некоторых, так сказать, коренных русских.

Почему это произошло? По многим причинам, которые указывал в очерках: «Заметки с затонувшей Атлантиды» и «Прогулка по парку постсоветского периода». Здесь лишь скажу, что наше недавнее прошлое никто не отменял и не отменит — своеобразное родимое пятнышко.

Когда приехал на ВЛК (Высшие литературные курсы) в Москву с Алтая (1983 — 1985 годы), был крайне удивлён, что Москва не совсем русский город. Здесь за сохранение русских памятников культуры национально мыслящих писателям и художникам приходилось вести постоянную неутрачивающую «войну» с чиновничеством. Но и чиновники не дремали. Бывало, что русичам строго внушалось, чуть ли не на кремлёвском уровне, что Москва — город хотя и русский, но не совсем.

«ТОРТ»

Буду откровенен, получив воспитание и образование на Дальнем Востоке и в Сибири, толком не понимал истоков сей перманентной «войны». Мне казалось, что мы все — русские. Ан нет, можно было быть по происхождению русским, а в итоге (и это в лучшем случае) — русскоязычным. Были примеры и противоположного толка. Человек и по паспорту, и лицом нацмен, а на кухнях обиженные русские (причём, как правило, обиженные русскими же чиновниками), в негодовании сотрясая воздух, кричали, устремляя энергичные взгляды в пустые углы (тогда их иконами редко кто украшал):

— Вот погодите, придёт Хазбулат удалой, он Вам, мракобесам, скажет и покажет, что ещё жива Русская Земля и Русский дух!

У русских, как и русскоязычных тоже были приверженцы в Кремле.

Родившись и окончив школу в селе, приехав на учёбу в Москву, что называется из самой гущи народной, просто не мог не

словарь БЭС разъяснит. Потому что в этом слове «советский» исторически смешались и неразделимы два понятия: «интернациональный» и «космополитический». И какого из понятий в нём больше, теперь никто не скажет: ни Президент, ни трио бандуристов, ни трио журналистов — никто.

Ванька-встанька

Но вернёмся к перманентным войнам русской интеллигенции и чиновничества. Получив очередной шелчок по носу за то, что не понимает политической обстановки — Москва не совсем русский город, — русская интеллигенция, как уже говорил выше, впадала в неистовство, буквально вставала на дыбы:

— Тогда пусть скажут в газете «Правда»: Москва — чей город? Пусть скажут — чей, чтобы совсем уже?!

Но им, естественно, никто не говорил, и они в подпитии даже дрались с домочадцами, не совсем понимая, что они хотя и русские, но и советские тоже.

Никогда не сомневался, что среди незаметных кремлёвских чиновников чаще, чем где бы то ни было, встречаются гениальные люди. Несомненно, под их на-

Ты ощущаешь дыхание всех поколений всех времён. А это, как правило, миг победы. Миг высокого восхождения.

блюдением выросла наша русская советская интеллигенция. Сегодня она напоминает знаменитую игрушку «ваньку-встаньку», только модернизированную. У этой игрушки вместо ядрышка свинца, придававшего ей устойчивость, — вторая умная голова. А вместо свинца — текущая ртуть, чтобы менять головы местоположением: вверх — вниз.

Очень хитрая игрушка — наша интеллигенция. В обиходе очень удобная для власть имущих. Надо им русские интересы соблазнить, она — русская. Нужны интересы общемировые, глобальные, она —

почувствовать, что в устах особо воинствующих русских весь наш народ в большинстве не русский, а русскоязычный. Противоречие было настолько вопиющим, что испытал потрясение на разрыв, своего рода катарсис.

А между тем всё лежало на поверхности. Стоило зайти в издательство: «Современник», «Советский писатель» и другие, как сразу бросалось в глаза, куда надлежит обращаться, — в редакцию «Русской советской прозы».

Немного остановлюсь. Русской — здесь всё понятно. Советской — вряд ли даже толковый

блюдением выросла наша русская советская интеллигенция. Сегодня она напоминает знаменитую игрушку «ваньку-встаньку», только модернизированную. У этой игрушки вместо ядрышка свинца, придававшего ей устойчивость, — вторая умная голова. А вместо свинца — текущая ртуть, чтобы менять головы местоположением: вверх — вниз.

«НЕГАТИВ»

советская. В общем, у тронного места интеллигенция всегда представлена какой-нибудь выскочившей наверх головой.

Единственный недостаток, когда власть имущие соблюдают общемировые интересы (поддерживают банки, свободное движение капитала и так далее), кричит, стенает и негодует русская интеллигенция. И это понятно, ей больно, она внизу, её умная голова используется не по назначению. Попробуйте сидеть головой — вполне можно шею сломать.

И наоборот. Когда власть имущие используют не по назначению умную советскую голову, то ей тоже больно. Её опустили и она, естественно, возмущённо вскипает: эй, вы там, наверху! Проклятые нацисты и коричневые фашисты, вы что — уже Родину кромсаете?! Не дадим — Россия для всех!

Глядя на всё это, приходишь к пониманию, почему на Западе нет интеллигенции. Там всё больше — интеллектуалы.

Без национальности

Давайте предложим Президенту подать в Думу на рассмотрение Закон о запрещении или отмене интеллигенции. А что?! Кое-где на местах такой Закон уже давно ждут. Уверен, если с единомысленцами побеседует (ich liebe dich) их лидер, то они не подкачают — без всяких поправок в первом чтении примут. (Шутю!)

Впрочем, вернёмся к слову «советский» — нет такой нации. Невозможно учредить нацию. Хотя, конечно, пытались и увещиванием, и силой. Всех несогласных с марксизмом-ленинизмом советская власть выжигала калёным железом. И русским досталось, и космополитам, как говорится, всем по полной программе. Но надо признать, что власть и себя не щадила. И никто и никогда бы её не сковырнул. Одна беда — экономика, подчинённая идеологическим мотивам, оказа-

лась нерентабельной. Ну, просто никудышной.

Когда пришёл к власти обывший советизмом Ельцин и слово «советский» стало нарицательным (демократы первой волны отождествляли всех советских людей, за которыми в большинстве стояли русские, с совками и совковостью), нам, тогда ещё советским гражданам, совершенно «демократическим путём» (без всякого референдума) предложили отказаться от национальности. То есть предложили не вписывать её в гражданский паспорт. И мы, русские, которых и тогда, и сейчас власть имущие как будто по ошибке всё ещё величают титульной нацией, безропотно согласились.

А вот татары, а вслед за ними и другие нетитульные народы не согласились.

Не знаю, добились ли они своей национальной идентификации в паспортах, но в уме осталось, что все, кто её хотел, добились.

И теперь, когда отовсюду слышишь, что преступники не имеют национальности, русские опять в проигрыше. Не важно, как обстоят дела на самом деле, а подразумевается, что мы, русские, юридически — преступники. Отсутствие национальной идентификации в паспортах нас уравнивает с ними. Справедливо ли это?

Почему мы, русские, такие — обманываем себя? Верим, что мы чувствительны к несправедливости. Но разве чувствительные к несправедливости будут так долго терпеть несправедливость, как терпим мы? Почему, начав доброе дело, охлаждаем и, не закончив, бросаем? Мы не стремимся к самостоятельности и умеем хорошо думать только вслед за начальником. А если он безнадежно.bestолоковый, то, будьте уверены, мы его не выдадим и в своей bestолоковости ему не уступим, а,

умственно напрягаясь, даже превзойдём. Не отсюда ли наши косность и завистливость? Завистливость до умопомрачения.

Мы, русские, не умеем радоваться чужим успехам. Почитай-те в Интернете отзывы на любое выступление футболиста Андрея Аршавина. Зависть, невежество и хамство ядовитой слюной брызжут из уст едва ли не каждого так называемого ценителя его игры.

На наших глазах унижают бездомных и слабых, а мы делаем вид, что не видим. Мы проходим мимо, оправдываясь, — бытовуха.

Мы живём по пословице — не в том беда, что у тебя корова издохла, а в том, что у соседа живая.

Мы любим лести и льстецов, незаслуженные награды и похвалу. Ради них можем предать самих себя, а потом невинно смотреть на плоды предательства, как на чью-то зловредную подтасовку, к которой не имеем никакого отношения.

На наших глазах унижают бездомных и слабых, а мы делаем вид, что не видим. Мы проходим мимо, оправдываясь, — бытовуха.

Мы, русские, в большинстве ненавидим русских и с лёгкостью верим в самое худшее о твоём брате. Мы, русские, прежде всего русских подозреваем во всех смертных грехах и лишь по одному прокурорскому окрику — вы всего не знаете! — с упоением без всяких доказательств верим в клевету на твоего брата, русского. А уяснив, что он оклеветан, без борьбы смиряемся с клеветниками и в приветствии первыми пожимаем им руки. Пожимаем, чтобы они и нас не оклеветали. Среди нас практически нет адвокатов, потому что защищать таких, как мы, для человека, ещё хотя бы краеш-

ком сознания помнящего, что он русский, просто стыдно.

Они — сильные мира сего, а мы, русские, — козавки. Они иногда берут нас во власть, им нужны новые створчивые дедушки Калинины, чтобы прикрываться их подписями на постановлениях, унижающих наш русский дух и нашу русскую культуру. Самые беспринципные и циничные среди нас, а зачастую и самые бездарные ставятся нам в начальники, чтобы, глядя на них, мы лицеизре-ли себя — какие мы тупые и bestолоковые. Мы, спиваясь, вырождаемся. Нас пьяных бьют, лишают остатков памяти и, в лучшем случае, развозят по психушкам. Развозят такие же русские, наши братья, которые потом, без всякого преступного умысла, а тожко рюмашечки ради сожгут нас, как никому не нужный хлам.

Терпение как грех

И вот я сам, лицом и душой русский, вынужден вам говорить об этом. Потому что когда я увидел по «Евроньюс» (без комментариев), как толпой неумело бегут на омововцев наши 13–15-летние русские мальчики и, пытаясь скандировать, кричат: Москва — русский город! Москва — русский город! А голоса детские, неокрепшие, и оттого слышится не утверждение, а взволнованный вопрос, вопрос к русским дядям с дубинками: Москва — русский город? Не буду никого обманывать, у меня есть внуки, и у меня перехватило горло от спазм — какое будущее мы им готовим?!

И вот вслед за ними и я кричу на всю Ивановскую или, если хотите, на всю Манежную: Эй, вы там, наверху, очнитесь, — Москва, действительно, русский город? А русские, действительно, титульная нация? Или вы, Герои России по умолчанию, таким способом решили только потрафить нам, чтобы за беспредел, творящийся на улицах, привлечь к ответу наших русских мальчиков, нашу последнюю надежду?!

Да им надо поклониться в ноги, что они вспомнили, что Москва — русский город. А мы, их отцы и деды, — титульная нация.

Нас, русских, чиновники подставляют и там и сям и до того уже задёрнули, что русскому человеку стало тягостно жить в родной стране. Того не скажи, туда не смотри, а там обязательно подвинься. Словом, как в Хазарском ханстве — грязь не грязь, а за десять шагов до начальника обязан падать лицом на землю.

Помню, в ельцинские времена, как раз было его второе пришествие, Борис Николаевич на людях и пел, и плясал, и под градусом всякие фортели выкидывал. Но больше всего запомнилось, как, величественно воздымая руку, он зычно провозглашал: россияне! (Пауза.) Мы сделаем то-то и то-то! Россияне! (Опять продолжительная пауза.) Мы всё можем!

Потом выяснилось, что при нём мы уже ничего не можем, но сейчас не об этом речь.

Почему на территории Российской Федерации Борис Николаевич не решился ввести нацию — россиянин и отменить границы национальных образований, если Россия для всех? Говорят, собирал старейшин со всех

республик, и они отсоветовали. Напрямую сказали — те несправедливости, что выдерживает русский народ, никакой другой народ в мире не выдержит. Терпения не хватит. Да и послабления за счёт русского народа будут отменены — Россиянин — ляжет на всех равной тяжестью. Стихийные бунты начнутся.

И вот, без всякой задней мысли, приходит: не потому ли — кого только нет из желающих поруководить русскими, а русских, настоящих, умеющих позаботиться о своём народе, почему-то не видно. Кругом только и слышишь: наказать, ужесточить, за русско-го и десяти копеек не дам, во всём виноваты русские — падайте лицом в грязь!

Эх, тьма — кутерьма, своего русского царя не уберегли.

Нация москвичей?

Однажды засиделся у одноклассника по ВЛК, Высшим литературным курсам. Программу «Время» заключал спортивный обозреватель с грузинской фамилией. Говорю однокласснику, мол, хороший грузин — предельно сжато и ёмко проинформировал.

Благодаря своим советизму и произведениям Льва Николаевича Толстого (один Багратион чего стоит) всегда с большим уважением относился к грузинам и вообще к кавказцам. Впрочем, и сейчас не изменил отношения. Потому что для меня в определении национальности с тех советских времён осталось — был бы человек хороший.

Одноклассник, явно без всякого умысла (тогда не было грузинского вопроса), поправил меня: он — не грузин, он — москвич.

Но и нации москвич тоже нет.

Странное дело, но в Москве и татары есть, и якуты, и алтайцы, все меньшинства представлены, а русские (титульная нация), если заглянуть в паспорта, отсутствуют. Наверное (предполагаю), кремлёвские чиновники сейчас с другой умной головой решают общемировые глобальные проблемы, и мы, русские, пока им не нужны. Ау?! Не радуйтесь, умные головы. И нас и вас используют, и как всегда, без всякого умысла — соблазнились мнимой лёгкостью правления русским народом, а внутренних-то богатырских сил, увы, не хватило. Сегодня не по-ельцински ломать надо, а умно, по-стольпински способствовать развитию положительных качеств своего народа. Ведь недостатки — зачастую есть продолжение наших достоинств, только как бы за гранью приемлемого. У нас же, если что-то изводим, то уже полностью выкорчёвываем. Откуда же возьмётся продолжающим многообразием рода видам, их молодым побегам?!

Так что неудивительно, почему такую простую истину: Москва — русский город, а мы, русские, — титульная нация, наши чиновники не смогли ни соблести, ни донести до подрастающего поколения. Удивительно другое — где наша русская советская интеллигенция? Или её нет?! Поднимись, покажись, Ванька, или пусть встанет, покажется твой прежний заступник — Хазбулат удалой.

Виктор СЛИПЕНЧУК

Полную версию очерка «Торт «негатив» читайте на сайте В.Т. Слипенчука <http://www.slipenchuk.ru>